

И.П. Зайцева
(Беларусь, г. Витебск)

**«ЖИТЬ НЕ УКРАДКОЙ, ЖИТЬ НЕ ПОЛЗКОМ,
ПОДОБНО ГОРНОЙ ЛЕТЕТЬ ЛАВИНЕ...»
(о магии поэтического слова Михаила Матусовского)**

Аннотация. В статье устанавливаются основные особенности лирического творчества Михаила Матусовского, создающего свои произведения в русле художественной тенденции, определяемой исследователями как «поэтика безыскусности». Продемонстрировано, что конкретные лингвостилистические проявления этой тенденции в лирических структурах могут быть отличными в зависимости от концептуально-тематической направленности произведений.

Ключевые слова: лирическая структура, «поэтика безыскусности», словесное пространство, песенный текст, философская лирика, семантический слой, разговорный язык.

Abstract. The article sets out the basic features of lyrical creativity of Mikhail Matusovsky, creating their works in the mainstream artistic trends, defined by the researchers as “poetics of starkness”. Demonstrated that a particular formal manifestation of this tendency in the lyrical structures can be different depending on the conceptual and thematic direction of the works.

Key words: lyrical structure, «poetics starkness» verbal space, song lyrics, philosophical lyrics, semantic layer, the spoken language.

Если буду убит я под утро в бою,
Если завтра меня похоронят друзья,
Завещаю тебе я заботу свою,
Без которой прожить ни минуты нельзя.
Всё, чем я дорожил, что любил и берёг, –
Мерный скрип колыбели в крестьянской избе,
Пыльный ветер просёлочных этих дорог,
Даже ветер я тот завещаю тебе.

М. Матусовский, «Завещание».

Михаил Матусовский известен (к счастью, всё ещё известен!) читателю, прежде всего, как автор популярных песенных текстов – в большинстве случаев популярных в такой степени, что они нередко воспринимаются как песни народные, как плод коллективного творчества: настолько легко они запоминаются и естественно – «совсем, как в жизни» – поются (достаточно вспомнить песни «Подмосковные вечера», «Берёзовый сок», «С чего начинается родина», «Вологда», «Старый клён» и многие другие). В самом деле, песни, созданные на слова М. Матусовского, обладают необыкновенной притягательностью, будучи близкими и понятными людям разных возрастов и

профессий, разных эстетических вкусов и предпочтений в искусстве. Между тем Михаил Матусовский проявил себя и в других сферах словесного творчества: как поэт-лирик, как сценарист, военный корреспондент...

Настоящая публикация посвящена некоторым аспектам своеобразия лирического творчества писателя, устанавливаемым на материале как собственно лирики, так и тех поэтических произведений, которые приобрели широкую известность, будучи положенными на музыку (в песенном варианте). Очевидная близость речевой ткани большинства лирических стихотворений Матусовского к повседневной непринуждённо-разговорной речи (обычной, «как в жизни»), содержащей немало бытовой лексики и других явных маркеров разговорного языка, даёт основания исследователям определять индивидуально-стилистическую манеру этого автора как «поэтику безыскусности». Так, например, Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий в своём учебном пособии «Современная русская литература», адресованном студентам филологических факультетов, отмечают следующее: ««Поэтика безыскусности» генетически связана с многовековой традицией русской *хоровой лирики*. На этой почве выросла поэзия Кольцова, Никитина, поэтов-суриковцев. Но если в XIX в. эта традиция носила маргинальный характер, то в советское время она стала одной из мощных художественных тенденций – она питает творчество таких больших поэтов, как С. Есенин, П. Васильев, М. Исаковский, **на неё опираются** В. Боков, **М. Матусовский**, С. Алымов, Н. Тряпкин, на этой почве сложились такие художественные потоки, как творчество новокрестьянских поэтов (в 1910 – 20-е годы) и «тихая лирика» (в 1960 – 1970-е)» (в последнем предложении выделено мною. – И. З.) [4, с. 226].

Заслуживает внимания тот факт, что, устанавливая основные особенности художественной тенденции, определяемой как «поэтика безыскусности», упомянутые исследователи в значительной степени опирались на статью А.Т. Твардовского (поэта, который и сам принадлежит к числу наиболее ярких представителей этой линии в литературе) о Михаиле Исаковском – «Поэзия Михаила Исаковского». Эта статья на материале творчества М. Исаковского раскрывает суть многих художественных принципов, которые исповедовались и самим А. Твардовского (даже не очень глубокий анализ творчества последнего позволяет судить о том, насколько органично эти принципы были им восприняты), и другими поэтами, принадлежащими к представителям «поэтики безыскусности». Примечательно, что статья А.Т. Твардовского – безусловно, программный для писателя литературоведческий опыт, – будучи впервые написанной в 1949 году, шлифовалась автором в течение двадцати лет – до 1969 года. По поводу этого исследования Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий абсолютно справедливо замечают: «Совершенно ясно, что, говоря об Исаковском, Твардовский определяет те принципы поэтики, которые ему самому близки, и отстаивает их эстетическую значимость» [4, с. 226].

Прежде всего, А. Твардовский акцентирует внимание на том, что образно-изобразительная система рассматриваемой художественной тенденции базируется на стремлении автора максимально расширить круг адресатов своих

произведений, вовлечь в их число и людей, «обычно стихов не читающих», что закономерно предполагает обращение поэта к языковому материалу, привычному даже самому непритязательному читателю, хорошо ему знакомому. По мнению А. Твардовского, поэзия М. Исаковского, отличающаяся рядом характерных свойств, полностью отвечает подобной авторской задаче – ср. в частности, высказанные автором наблюдения: «привычные слуху слова газетно-пропагандистского обихода вступают здесь в соединение со словами такой сердечности, точно обращены они к родной матери, любимой жене и сестрёнке»; «совершенно нетронутый поэзией бытовой и словесный слой облекает Исаковский в полные горькой иронии, чёткие, запоминающиеся строфы»; «Исаковский может самую лирическую интонацию перебить вдруг грубоватым народным выражением» и под. [Цитируется по: 4, с. 225].

Впрочем, практически для всех исследователей, обратившихся к изучению проблем «поэтики безыскусности», очевидно, что **«эффект (иллюзия) безыскусности достигается весьма искусными приемами**. Но приёмы эти таковы, что не выпячиваются, не привлекают к себе эстетический интерес, их стильность состоит в том, чтобы стиль стал незаметен (воздействуя суггестивно – через ритм, мелодику, архетипические мотивы и образы, например), зато при этом с особой чёткостью выступают слово как носитель представлений и понятий, и фраза как сгусток мысли» (выделено мною. – И.З.) [4, с. 225].

Учитывая сказанное, не приходится сомневаться в том, что каждым талантливым поэтом, для творчества которого основополагающими, концептуально значимыми являются художественные принципы «поэтики безыскусности», последние будут воплощаться в неодинаковых формах, с приоритетным использованием отличных приёмов и способов организации отобранного языкового материала и под. – то есть с явным отражением специфичности индивидуального поэтического мировидения. Безусловно, и в лирическом творчестве Михаила Матусовского, при очевидной общей установке его на «поэтику безыскусности», можно увидеть индивидуальностилитические особенности, существенно отличающие его от других поэтов, которые создают свои произведения в рамках сходной художественно-эстетической установки.

В лирике Михаила Матусовского можно выделить группу произведений – как правило, это тексты, которые были положены на музыку и известны адресату, прежде всего, как песни, – с очевидной стилизацией под лирические народные песни либо некоторые песенные жанры городского фольклора, где преобладают типичные для устной разговорной речи интонации; присутствует явно разговорная (иногда – и разговорно-просторечная) лексика, при этом не исключены и допускаемые в непринуждённо-обиходном общении речевые ошибки, также выполняющие определённую стилистическую функцию и т. д. Сюжет стихотворения (примечательно, что, как правило, такие произведения принадлежат именно к сюжетным стихотворениям) в этих случаях весьма

незатейлив, нередко сопровождается элементами несложной языковой игры (как, например, в стихотворении «Вологда») и т. д. Таково, в частности, стихотворение «Пароходы», написанное в 1977 году и очень удачно положенное на музыку композитором В. Шаинским; широкому кругу адресатов оно известно как слова к песне, прозвучавшей впервые в популярном телевизионном фильме советского времени, по сути, в одном из первых отечественных сериалов – «И снова Анискин»:

ПАРОХОДЫ

Каждый вечер я у тихой пристани
Провожая пароходы быстрые...
Говорю я вслед им: «До свиданьица»,
А за ними лишь дымок останется.
Пароходы быстрые, пароходы быстрые,
Вы куда уходите от пристани?
Пароходы белые, пароходы белые,
Что, скажите, вы со мною сделали?

**Только всё известно вам заранее,
Всё идёт согласно расписания,
Постойте вы, потом отчалите
И меня надолго опечалите.**

Пароходы быстрые, пароходы быстрые,
Вы куда уходите от пристани?
Пароходы белые, пароходы белые,
Что, скажите, вы со мною сделали?

К моему большому огорчению,
Вы плывёте дальше по течению,
А кому-то всё же не мешало бы
На прощанье помахать мне с палубы.

Пароходы быстрые, пароходы быстрые,
Вы куда уходите от пристани?
Пароходы белые, пароходы белые,
Что, скажите, вы со мною сделали?

Устно-разговорная, нередко очень близкая к фольклорной композиционно-стилистическая основа (как, например, постоянное употребление эпитета в постпозиции: *пароходы быстрые, пароходы белые*) процитированного текста очевидна: разговорно-просторечное «до свиданьица»; намеренное нарушение литературной нормы: *согласно расписания* (употребление с книжным предлогом *согласно* существительного в родительном падеже вместо рекомендованного литературной нормой дательного – грамматическая ошибка); активное использование синтаксических конструкций явно разговорного характера: *Что, скажите, вы со мною сделали?; А кому-то всё же не мешало бы...* – и необыкновенно точно подобранная автором ритмическая структура художественного текста предопределяют особую тональность лирического произведения: с одной стороны, ассоциирующуюся с неспешным задушевым разговором, с другой – несомненно, плавную, напевную, органично предназначенную для положения на музыку.

С «поэтикой безыскусности», базирующейся на несколько иных подходах к отбору и организации языкового материала, мы сталкиваемся в тех лирических произведениях М. Матусовского, где ощущается очевидный философский план. Это, по большей части, собственно лирика, хотя подобные явления свойственны и некоторым песенным текстам – таким, например, как «На безымянной высоте», «Если я заболею», «Берёзовый сок» и другие. В этом случае речевая ткань произведений тоже отличает «безыскусность», причём ощущающаяся достаточно явственно; однако при более внимательном анализе семантический слой, на котором «безыскусность» представлена наиболее декларативно, оказывается лишь первичным, очевидно недостаточным для проникновения в суть лирической структуры. Представляется, что этот смысловой слой выполняет роль своеобразного «мостика» между поэтом (либо лирическим героем, которому автором «делегируются» полномочия контактировать с читателем) и его аудиторией (особенно это ощутимо в тех случаях, когда лирическое стихотворение написано от первого лица, что придаёт максимальную степень субъективности и без того «самому субъективному» из всех литературных родов – лирике).

Означенный семантический слой наделён, на наш взгляд, весьма важной функцией: он призван определённым образом подготовить читателя к восприятию более глубинного смыслового уровня лирического стихотворения, «расположить» его к постижению заложенного автором в произведение содержания через посредство привычного, хорошо знакомого речевого регистра, с которым адресат сталкивается практически ежедневно в своей обычной жизни, а уж затем подвести к тем выводам, которые концептуально важны для поэта.

Примером такого лирического текста может служить приводимое далее стихотворение, написанное М. Матусовским в 1974-ом году:

Сверчки в тени чертополоха	Где я собрал на косогоре
Ведут беседу.	Букет полыни,
Когда мне станет очень плохо –	И на губах осталась горечь
В Донбасс уеду.	Ещё поныне.
Туда, где ястребы степные	Сверчки в тени чертополоха
Спят на кургане,	Ведут беседу.
Где чуть дрожат огни ночные	Когда мне станет очень плохо –
В моей Лугани.	В Донбасс уеду.
Где поезда в смятенье сами,	Там под земной слышны корою
Летя сквозь полночь,	Глухие сдвиги.
Пронзительными голосами	Так возвращаются порою
Зовут на помощь.	К прочтённой книге.
Где в темноте стоит свеченье,	Там всех ушедших видят лица
Как в небе дальнем.	Во сне глубоко.
Где все слова звучат в значенье	Так речка хочет возвратиться
Первоначальном.	К своим истокам.
Где пролегла степей безмерность,	
Холмами горбясь.	
Где верность - это значит Верность,	
А подлость – Подлость.	

Приведённое стихотворение начинается с вполне обыденной для степного края (Донбасса) конкретно-образной зарисовки пейзажно-природного характера: *Сверчки в тени чертополоха / Ведут беседу*, которые композиционно «разбросаны» по всему тексту: ... *ястребы степные спят на кургане* (II-я строфа); *я собрал на косогоре / Букет полыни* (IV-я строфа); буквальное повторение начальной строфы (VII-я строфа). В то же время в рассматриваемом лирическом тексте наличествует значительно более обширный (и соответственно, более значимый концептуально) обобщающий план, нежели в стихотворении «Пароходы», создаваемый, прежде всего, в результате индивидуально-авторского подхода к организации привлечённых речевых средств. Среди используемых автором стилистических приёмов – специфические инверсии, нестандартные парцелированные конструкции (в частности, парцелирование придаточных предложений), неоднократное обращение к анжамбеману (*enjambement*), различные виды параллелизма (семантического, синтаксического и др.) и т. д. [Более подробно см. об этом в нашей работе: 3].

При этом фрагменты лирической структуры, заключающие в себе философско-обобщающий смысл, безусловно, отличаются от более конкретно-образных участков текста и словарным составом, следовательно, и авторскими принципами отбора языкового материала: в них значительно больше абстрактной лексики (*смятение, свечение, безмерность* и под.), по преимуществу, включённой ещё и в разнообразные тропы, в том числе и ярко выраженного индивидуально-авторского свойства (как, например, олицетворение нарицательного абстрактного существительного путём перевода его в имя собственное: *Верность, Подлость*). Примечательно и то, что автор, как представляется, именно с целью дополнительного акцента на философской составляющей произведения из сосуществующих стилистических вариантов слов либо их грамматических форм, как правило, выбирает более книжный или тяготеющий к книжности (или же более архаичный, более свойственный языку фольклора и под.): *значенье* (не *значение*) – аналогично *смятение, свечение; во сне* (не *в сне*) и т. д. По нашим наблюдениям, именно такого рода приёмы – не декларативного, а, скорее, «пунктирного» свойства, не сразу осознаваемые читателем или же вообще им не замечаемые, в совокупности и способствуют, в первую очередь, «втягиванию читателя ... в глубины смыслов, затаённых в знакомых словах и явлениях, ими означаемых» [4, с. 226], что, как уже отмечалось ранее, является отличительным свойством качественных художественных произведений, созданных в традициях «поэтики безыскусности».

Комплекс принципов, в соответствии с которыми лингвостилистически оформлено рассмотренное выше стихотворение, по нашим наблюдениям, используется в лирическом творчестве М. Матусовского достаточно часто, как, например, в приводимом ниже произведении – **одном из** своеобразных поэтических завещаний автора (уже это позволяет отнести его к философской лирике), созданном в достаточно зрелом возрасте (1981 год):

Как мало осталось рассветов,
Несущих нам добрую весть,
И песен, что мною не спеты,

И книг, что уже не прочесть.
Собачьего звонкого лая
На зимнем соседнем дворе.

Метелей в районе Валдая,
Морозов на Красной Пахре.
Тех трав и цветов необычных
В лесу, где живёт Берендей.
Открытых полян земляничных,
Грибных благодатных дождей.
 Как мало осталось отплытий,
 Мостков, отражённых в реке,
 Июльского солнца в зените
 И мокрых следов на песке.
Умения быстро собраться,
Чтоб к другу успеть своему.
Способности всем удивляться,
Готовности верить всему.
 И лунного света на шторах,
 Задёрнувших наше окно.
 И вспышек грозы, от которых
 В глазах становилось темно.
И тронутых ржавчиной с края,
Поникших ольховых ветвей –
Всего, что я вам оставляю
На память о жизни моей.

Введённые в лирическую структуру обозначения разнообразных деталей повседневной жизни: *звонкий собачий лай, земляничная поляна, отражённые в реке мостки, мокрые следы на песке, задёрнувшие окно шторы, поникшие ольховые ветви* – перемежаются авторскими размышлениями о быстротечности, неповторимости моментов бытия: *Как мало осталось отплытий, / Мостков, отражённых в реке, / Июльского солнца в зените / И мокрых следов на песке* – что, в результате, создаёт уникальную словесную ткань, где наиболее значимые для поэта смыслы словно бы «вырастают» из его повседневных наблюдений. Благодаря искусной организации автором словесного пространства, читатель органично воспринимает авторские отсылки от сиюминутного земного, подчас даже намеренно приземлённого, к высокому духовному, к вечным человеческим ценностям. Таким образом, не отходя от принципов «поэтики безыскусности», автор мастерски организует в лирическом стихотворении взаимодействие двух ипостасей общения с читателем: *бытовую* и *бытийную*, которые, чередуясь, гармонично дополняют друг друга, существенно углубляя при этом содержательно-фактуальную информацию художественного текста и, соответственно, способствуя формированию более выраженных слоёв информации содержательно-концептуальной и подтекстовой (виды информации выделены в лирическом тексте вслед за И.Р. Гальпериним [2]).

Представляется, что характерной особенностью лирических произведений философской направленности, созданных Михаилом Матусовским в традициях художественной тенденции «поэтики безыскусности», является, прежде всего, то качество, которое сформулировано исследователями следующим образом: «... здесь лирическая экспрессия выражается, как правило, не прямо, а опосредованно – через изображение, «овнешняясь» в образах поэтического мира, здесь высокую цену приобретает поэтика фразы – афористичность, парадоксальность высказывания, его ритмическая цельность, словом, то, что можно назвать риторическим орнаментом» [4, с. 226].

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. – М: КомКнига, 2006. — 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
3. Зайцева И.П. Уникальность «поэтики безыскусности» лирического творчества М. Матусовского / И. П. Зайцева // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2016. – Вип. 18. – Т. IV (179). – С. 316 – 322.
4. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. – Т. 1.: 1953 – 1968 / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 413 с.
5. М. Матусовский о жизни. И жизнь о нём: сборник; под общ. ред. О.В. Приколоты. – Луганск: Издательство «Максим», 2010. – 400 с.

6. Матусовский М.Л. Избранные произведения: в 2-х т. / М. Л. Матусовский. – М.: Художественная литература, 1982.
7. Матусовский М.Л. Такая короткая долгая жизнь: стихи и песни / М. Л. Матусовский. – М.: РИФ «РОЙ», 1995. – 176 с.